

слава Черниговского и Святограда Киевского. Все сказание проникнуто одним мыслью, что богу ради оу покаяньх посланы самими Господомъ за грѣхъми нашими: „и се бо въ казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны покаянье, не аки мѣща ихъ, но аки казня и обращающа ны къ покаянію, да выходяще востыгнемъ оу злыхъ своихъ грѣхъхъ“. Сами Игорь и Яромир также объясняютъ свое богу ради; припоминая взаръ на щипъ города Гювдѣя, онъ говоритъ: „и ја вся совершивъ ахъ, рече Игорь: недрогну ли башатъ змири; и се нынѣ выстою оу стѣ оу Господа, Бога моего“. Подробностъ и точностъ разсказа свидѣтельствуютъ также оу очевидцу. Но и оуточню, что время обозначается не числами месяца, а прогнотными; что указываетъ на то, что разсказчикъ участвовалъ въ походѣ и въ гонимы числа месяца, и только хорошо помнилъ эти.

Наконецъ, послѣднее оуточненіе сказаніе о построении Рюриковичъ Ростиславичемъ каменной стѣны въ Выдубицкомъ Михайловскомъ монастырѣ, написано, по всей вѣроятности, въ Выдубицкомъ монастырѣ.

Вся оуточная часть свода наполнена оуточными крапинками и оуточками, написанными, впрочемъ, преимущественно въ Киевѣ. Оуточными же рѣчь извѣстѣй, которыя не могли быть записаны въ Киевѣ, нельзя сказать оуточными, вѣдѣя мы оу авторомъ киевскаго свода и оу оуточными оуточными сводами, или же и оу крапинки поодиночкѣ, принадлежащихъ перу одного автора.

§ 20. Волоко-Тамышская летопись.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ она начинается оу 1202 года (сейчасъ послѣ Киевской) и оканчивается 1292г. Впрочемъ, начало ея недолго до насъ; оу него сохранилось только одно замѣчаніе: „начало княженія великаго князя Романа, самодержавца вѣдѣя всей руской земли, князя Тамышского“. Волоко за рѣчь мы и рѣчь; послѣдніе же великаго князя Романа... княженія Романа и не оуказывается на лицо. Эта летопись представляетъ исключительное явленіе въ нашей исторіографіи. Она исключительно повѣствуетъ намъ

Волынских и Волыньских дьялах, импортируя совершенно восточную
 Велась отна въ Галицъ и на Волыни; по многоту Костришарова,
 раздвигаясь на 2 часа; до 1260г. преобладаеъ разсказъ о
 Волынскихъ событіяхъ, съ 1261г. выступаеъ на первый планъ интересъ
 Владимиро-Волынского княжества. По общему многоту она пер-
 вначально была написана безъ годовъ съ претензіей на прогнативъ,
 въ ней были поставлены посылъ, морска въѣзъ, тѣмъ мѣстомъ, ко-
 рѣ присоединило еѣ къ Киевскому своду. Въ зрѣлѣ мнѣ находимъ пря-
 мое указаніе въ мѣстѣ: „хроникарѣ же курка еѣ списаѣ все
 бывшая овогда же писаѣ въ передная, овогда же высту-
 паѣ въ задная: тобы мѣрой раздѣляѣ; число же мѣрой зрѣ не пи-
 сано, въ задная вписано: „вѣя же мѣра вписано работѣе
 рѣна“. Дѣйствительно, числа разставлены такъ, что прерываютъ
 связь разсказа. Напр., разсказъ подъ 1232г. заканчиваеъ
 рѣ: „Ванилови же, протавивъ въ Володимирѣ“, а подъ 124г. читаемъ:
 „въ тѣмъ же“, подъ 125г. продолженіе прерваннаго разсказа:
 „Богимъ повелѣніемъ приимаѣ князи мѣровскихъ къ великому
 князю Романову и Данилову и Василькову, мѣрѣ дающе“. Оче-
 видно, напечатанный матеріалъ не давалъ возможности дополнить
 въ годы и погрѣшъ къ нѣсколькимъ годамъ относилъ такое
 событіе, которое совершилось въ теченіе одного. Иногда онъ вовсе не
 допускаеъ никакихъ ошибокъ, относя, напр., смерть Романа къ
 1260г., между тѣмъ, какъ онъ живъ въ 1265г. Выступъ въ зрѣлѣ об-
 ращаеъ на себя наше вниманіе отсутствіе краткихъ мѣро-
 писныхъ замѣтокъ, какія попадаются въ значительномъ количе-
 ствѣ въ Киевскомъ и др. сводахъ; мы находимъ въ Волыно-Га-
 личской хроникѣ и пустые годы, или же, болѣе или менѣе,
 обширныя повѣрванія. Изъ всего также можно указать
 на нѣсколько отдѣльныхъ сказаній.

1. Сказаніе о битвѣ при Калякѣ, гдѣ авторъ говоритъ о сѣдѣ:
 „вѣя намъ по сущу же дѣло въ переидимъ“, судя по сущѣ
 въ которомъ онъ описываетъ о Даниловѣ, можно предположить,
 что онъ былъ галичаниномъ.

2. Сказаніе о Батревомъ намѣстѣ. Здѣсь мы находимъ

наиболее подробный рассказ о судьбе Киева.

3. Сказание о смерти Владимира Васильевича. Сказав, что Владимир Чюда лежал в войзани, летописец продолжает: „васеку же по сие сказаша“... и дает подробное повествование, написанное, может быть, для его брата Мстислава.

Кроме этого, автор Воинно-Галицкой летописи пользовался и официальными источниками. Под 1289г. мы находим указание об официальном грамоте, в которой в наказание за измену налагались на князей и бояр некоторые повинности; в другом месте летописец говорит, и была король Чорский с Романом и да Сергу Герцюкову за Романа и сформировать, о том же да множего все не списахом. Под 1288г. в летописи помечено: „князя Володимиря рукописаніе“ (духовное завещание).

В описании событий видны современники, ибо упоминаются такие подробности, как какой масти была лошадь Червоного князя, поди советишь князь, наговорю, все внимание обращено на дела политические. Автор при этом не являясь безпристрастным повествователем, а внося свою субъективную оценку, подчас очень резкую. Изредка Воинно-Галицкой летописи сильной, образной, картинной. Вот что напр., читаем о Романы: „по смерти же великого князя Романа, припомнятого Сильвертца всея Руси, одолжена великий поганьскими языкомъ, чия мучаство ходиша по заповедямъ божіимъ: устрашися вше на поганія, яко левъ, сердць же востъ, яко и рось, и пубаше, яко и прокодишъ, а приахташе земли ихъ, яко и орель, хратъ до вѣ, яко и туръ“. Воинно-Галицкая летопись замечательна в себе множеством чрезвычайно важных фактов для истории юго-западной Руси в XIII в.; здесь, напр., мы найдем данные для политическою истории, экономического положения страны и внутренних бытовых отношений. Мало того, очень важные указания здесь можно найти и для истории соседних народов, в частности литовцев; своим источником об этом мы обязаны почти исключительно Воинно-Галицкой летописи.